

ГЛАВА 33. ШЕПОТ ДОЖДЯ

Косой дождь выстукивал по крыше дробь, точно рассыпавшийся по яшмовому подносу жемчуг. Мелкие капли густо оседали на резных карнизах, стекая вниз серебристыми струями.

Внутри комнаты Чи Шэн сидел спиной к двери, послушно и кротко перебирая струны. Линь Фэйсянь устроился рядом: прижимая к себе меч Чжу Се, он сквозь тонкий шелк оконных занавесок безучастно созерцал серую пелену снаружи.

На горе Даньлин почти всегда стояла ясная погода, пасмурные дни здесь были редкостью. Фэйсянь внимательно прислушивался к чистому рокоту капель, и он выглядел глубоко задумчивым.

— «Летающие цветы, игра на струнах»... — негромко произнес он спустя долгое время. — Сумеешь исполнить?

— Не умею, — отозвался Чи Шэн.

— Тогда выбери что-нибудь другое, — отрешенно пробормотал Фэйсянь. — Что угодно...

Глядя на него, Чи Шэн невольно покосился на меч Чжу Се. Чувствуя, что душевное состояние Верховного старейшины сейчас крайне нестабильно, юноша решил сыграть «Мелодию чистоты и ясности в красках».

Мягкие, умиротворяющие звуки сплелись с тихим перестуком дождя, и это действительно подействовало — тревога, сквозившая в облике Фэйсяня, постепенно угасла.

Впрочем, Чи Шэну показалось, что тот успокоился даже слишком сильно. Линь Фэйсянь замер, не отрывая глаз от окна; в его неподвижной фигуре сквозила такая беспросветная печаль, что трудно было угадать, о чем он сейчас грезит.

«Раз он хотел услышать "Нунсянь", значит, тоскует по той утраченной части своей жизни», — подумал Чи Шэн.

Потеря памяти подобна изъяду в самой душе. Те дни, когда он был юн, полон сил и надежд, превратились для него в блеклые строчки официальных хроник — слова, за которыми больше не стояло живых чувств. При мысли об этом сердце Чи Шэна невольно сжалось от жалости к человеку, который обычно держался столь отстраненно и величественно.

Когда мелодия стихла, Фэйсянь очнулся.

Он повернул голову к Чи Шэну и негромко произнес:

— Очень красиво.

В этот миг он не был суровым учителем, наставляющим ученика, — лишь одиноким слушателем, нашедшим утешение в музыке.

Словно вспомнив о чем-то, он добавил:

— Завтра... я бы тоже хотел послушать.

— Хорошо, — ответил Чи Шэн.

Встретившись с ним взглядом, юноша вдруг поймал себя на мысли, что больше не чувствует прежней скованности.

Фэйсянь смотрел на него, но теперь он казался иным — он словно видел сквозь Чи Шэна кого-то другого.

«Ну и пусть, — промелькнуло в голове юноши. — Какая разница, если я буду лишь тенью? Тенью не кого-то чужого, а его единственной первой любви, о которой он не перестает тосковать. Для меня это даже... честь».

Дождь снаружи и не думал стихать. Линь Фэйсянь, получив желаемое, поднялся, собираясь уходить. Во дворе всё еще толпились самые стойкие из учеников: укрывшись под зонтами, они с любопытством поглядывали на домик. Стоило Фэйсяню переступить порог, как они разом склонились в поклоне:

— Приветствуем Лансюэ-цзюня!

Чи Шэн окликнул его в дверях.

Фэйсянь едва заметно кивнул ученикам и обернулся к юноше:

— Что такое? — голос его прозвучал так мягко, что, казалось, в нем растворилась вся былая прохлада.

Собравшись с духом под прицелом десятков глаз, Чи Шэн протянул ему зонт и едва слышно прошептал:

— Это... в благодарность за лекарство. Если, конечно, не побрезгуете.

Менять коробку бесценных пилюль на обычный зонт было неловко, но это было едва ли не

единственное, чем юноша мог сейчас отплатить.

— Одной мелодии было бы достаточно, — ответил Фэйсянь.

— Если учитель захочет слушать, я буду играть в любое время, — поспешно добавил он. — Не только сегодня. Пусть это станет... платой за лекарство.

— Хорошо.

Чи Шэн снова замялся, но все же упрямо вложил зонт ему в руки.

Фэйсянь на мгновение замер, и черты его лица окончательно смягчились:

— Что ж... Редко кто в такой день сам предлагает мне зонт.

Он принял подарок и аккуратно раскрыл его. В тот же миг он будто развеял магическую защиту вокруг себя — капли дождя и брызги грязи коснулись подола его белоснежных одежд и обуви.

— До завтра, — сказал Чи Шэн.

— До завтра, — эхом отозвался Фэйсянь.

Юноша поспешно скрылся в комнате, заперев дверь и отсекая себя от плотоядных взглядов соучеников.

Припав к щели в окне, он увидел, как к Лансюэ-цзюню подскочил какой-то льстивый парень.

— Учитель, у вас есть какие-то распоряжения? — заискивающе спросил тот, нацепив угодливую улыбку.

Фэйсянь окинул его бесстрастным взглядом:

— Нет.

Ученик осекся, не зная, что добавить. Другой тут же вклинился в разговор:

— Тогда... почему учитель внезапно решил почтить своим присутствием наше скромное общежитие?

— А разве мне запрещено здесь бывать? — вопросом на вопрос ответил Фэйсянь и, не оборачиваясь, пошел прочь.

Глядя вслед удаляющейся фигуре под зонтом, Чи Шэн вдруг подумал, что в этот миг Верховный старейшина был удивительно похож на обычного смертного.

Это чувство наполнило сердце радостью. Юноша плотно закрыл окно и вернулся к столу, мысленно прикидывая, как ему теперь распорядиться своей ролью «тени недосягаемого идеала». Раз уж ему выпала такая честь — быть рядом с Линь Фэйсянем, нужно ли окружить его заботой?

Во-первых, нужно быть готовым явиться по первому зову. Во-вторых, выучить все спокойные и умиротворяющие мелодии, какие только существуют. И, наконец, найти способ утешить его.

А еще...

Дальше Чи Шэн придумать не успел. Ограничившись этими пунктами, он с воодушевлением вытащил из мешочка купленный вчера альбом с рисунками. Но стоило ему коснуться обложки, как в дверь громко постучали.

Чи Шэн вздохнул и, спрятав альбом, пошел открывать. У порога собралась целая толпа. Ученики так и норовили заглянуть через его плечо внутрь, пытаясь понять, чем же Лансюэ-цзюнь занимался здесь столько времени.

— Лансюэ-цзюнь никогда не заходит к ученикам. Зачем он приходил?

— Может, проверка? Мы же только что в карты на каменном столе резались...

— Да ну, учителю нет дела до таких пустяков!

Пока они гадали, одни переживая за свои баллы, другие — из-за таинственности Фэйсяня, в коридоре поднялся настоящий гам.

— Вы зря ломаете голову, — попытался успокоить их Чи Шэн. — Учитель просто зашел посидеть у меня.

Это была чистая правда: Линь Фэйсянь либо стоял, либо сидел, так что его совесть была чиста.

— И всё? Вот так просто? — недоверчиво спросил кто-то.

Чи Шэн ощутил странный прилив уверенности — то ли от недавней близости к Верховному

старейшине, то ли еще от чего. Он скопировал недавний тон Фэйсяня и холодно переспросил:

— А разве это запрещено?

С этими словами он захлопнул дверь перед носом опешивших учеников.

К альбому с рисунками он так и не притронулся. После того как юноша увидел «оригинал» вживую, да еще и знал, что теперь встречи станут частыми, бумажные картинки мгновенно потеряли всякую привлекательность.

Да, кажется, он и впрямь возомнил о себе лишнего.

Ночь прошла спокойно.

На следующее утро Чи Шэн проснулся от невообразимого шума. Решив, что это опять разбушевался дух скунса, он вскочил с кровати, но Юнь Нина в комнате не оказалось — тот, судя по всему, не возвращался с вечера.

Натягивая одежду, Чи Шэн выглянул в окно. Источником переполоха была группка учеников во дворе: они возбужденно переговаривались, то и дело всплескивая руками и топчась на месте от нетерпения.

Не став вникать в их дела, юноша подхватил учебники и отправился на занятия в горы Благородных Мужей.

Странности продолжались и по пути: все встречные о чем-то шептались, то и дело весело посмеиваясь. Чи Шэн ожидал, что после вчерашнего визита Фэйсяня в Яо-юань именно он станет главной темой для сплетен, но, к его облегчению, никто не обращал на него особого внимания.

В аудитории он занял место во втором ряду — самое безопасное. Преподобный Цзысяо всегда уделял повышенное внимание тем, кто забивался на задние парты, а на первый ряд неизменно летели брызги слюны во время его гневных тирад. Середина была идеальным вариантом.

Чи Шэн раскрыл учебник. На первой странице форзаца его имя стояло вплотную к имени Линь Фэйсяня. Густо покраснев, юноша поспешно перевернул страницу и уткнулся в текст, делая вид, что повторяет пройденное.

За четверть часа до начала лекции в дверях мелькнула алая тень. Гунъи Лин обвел зал цепким взглядом и, заметив Чи Шэна, властно кивнул ему, полностью проигнорировав учителя Цзысяо, который уже готовился сыпать вопросами.

— Ты. Выйди.

Чи Шэн огляделся по сторонам, проверяя, не ошибся ли он, но взгляды соучеников, в которых вспыхнуло жадное любопытство, подтвердили — зовут именно его. Преподобный Цзысяо шумно выдохнул через нос, и Чи Шэн уже приготовился к оглушительной брани.

Но её не последовало. Учитель, с трудом сдерживая гнев, лишь бросил:

— Иди. Только живо обратно.

Это было в высшей степени подозрительно. Скорее солнце взошло бы на западе, чем Цзысяо стерпел бы, чтобы кто-то прерывал его урок. Чи Шэн, чувствуя неладное, вышел в коридор.

— Молодой господин Гунъи, — поклонился он.

Юноша заметил, что сегодня тот был не в школьной форме, а в легком доспехе красно-белых тонов, который удивительно подходил к его нефритовой серьге.

Гунъи Лин смерил его холодным взглядом и без обиняков спросил:

— Зачем Линь Фэйсянь вчера к тебе притащился?

«Так вот оно что...» Весь орден обсуждал что-то другое, и Чи Шэн надеялся, что о нем забыли, но от Гунъи Лина было не скрыться.

— Я вчера поранился, и учитель принес мне коробку лекарств, — ответил Чи Шэн, умолчав о деталях.

— И всё?

Он кивнул.

— Он не говорил тебе ничего... странного?

Чи Шэн задумался. Станным вчера было всё — и поведение учителя, и его болезненная реакция, и эта связь с мечом. Но рассказывать об этом Гунъи Лину он не собирался.

— Нет.

Тот недовольно отвернулся:

— Каждый год одно и то же... Я же видел, что он в последние дни сам не свой. Эх... — Он замолк, а потом снова повернулся к Чи Шэну: — Слушай сюда. Если у тебя на днях будет время — побудь с ним. Только не вздумай ляпнуть, что это я просил. Не хватало еще, чтобы он опять начал накручивать себе всякую ерунду.

— А что... что-то случилось? — осторожно спросил Чи Шэн.

Гунъи Лин мгновенно посмотрел на него колюче:

— Ты что, не знаешь?

— А... должен? — растерялся юноша.

Собеседник долго и пристально разглядывал его, словно увидел диковинного зверя, после чего презрительно хмыкнул и зашагал прочь. Отойдя на несколько шагов, он обернулся:

— Сегодня! Сходи в Яобао-чжай и купи что-нибудь! Завтра отдашь мне! И чтобы было что-то стоящее, а не первая попавшаяся безделушка! Понял?!

Не дожидаясь ответа, он скрылся за поворотом. Чи Шэн так и застыл на месте, пока за спиной не раздалось сухое покашливание учителя Цзысяо.

Он вздрогнул:

— Учитель...

— Закончили?

— Да...

— Отлично. Садись на место и отвечай на вопрос.

Под тяжким гнетом внимания Цзысяо он едва дотянул до конца занятия. Мысли о странных словах Гунъи Лина не давали покоя, и ноги сами принесли его к павильону Яобао-чжай.

Возле магазина было не протолкнуться — толпы народа брали здание штурмом. Чи Шэн никогда еще не видел здесь такого столпотворения, а в соседнем Сяньбао-чжае дела обстояли еще хуже.

У входа в обе лавки красовались броские вывески. Он подошел ближе и прочитал:

«В честь дня рождения молодого господина Гунъи Лина — на всё скидка пятьдесят процентов!»

Чи Шэн озадаченно склонил голову.

Так этот заносчивый господин просто требовал от него подарок на день рождения?

<http://bllate.org/book/17515/1662216>